

Если и было в Юнчжоу событие, затмившее по масштабам новость о гэре-управляющем, то это известие о том, что вице-директор академии берет личного ученика. Эта тема мгновенно стала главной новостью города.

Причина была проста: Чжо Сяньчжи разослал приглашения всем мало-мальски значимым дворянам и меценатам Юнчжоу. Учитывая его статус в кругах литераторов и тот факт, что за двадцать с лишним лет он взял лишь двоих учеников, ажиотаж был понятен. За эти годы многие пытались — через связи или подношения — пристроить к нему своих сыновей, племянников или внуков, но он всех отвергал, демонстрируя крайнюю разборчивость.

Многие из отвергнутых затаили обиду и перестали превозносить его имя. Из-за этого за пределами академии слава Чжо Сяньчжи со временем померкла, и молодое поколение знало о нем мало. И вдруг — такое громогласное объявление о последнем личном ученике. Всем было любопытно: что же это за человек, сумевший покорить Чжо Сяньчжи? Неужели у него три головы и шесть рук?

Семья Чжо была в Юнчжоу известной, так что почти все приглашенные, кто не был занят чем-то критически важным, явились на торжество. Обряд проходил в загородном поместье семьи Чжо. Е Цзюньшу, будучи одним из главных героев дня, готовился со всей серьезностью. Он надел наряд, который Нань-амэ шил несколько ночей напролет, и приехал в поместье со всем своим семейством за день до праздника. Его встретили очень тепло.

Теперь он считался почти членом семьи Чжо. Старшее поколение было ласковым, сверстники — дружелюбными, а слуги — подчеркнуто почтительными. Е Цзюньшу, опасавшийся, что его не примут, наконец выдохнул с облегчением. Оставив детей под присмотром старших членов семьи Чжо, он всё время находился подле учителя.

Чжо Сяньчжи пребывал в прекрасном расположении духа. С тех пор как он решил взять Е Цзюньшу в ученики, он находился в состоянии крайнего воодушевления, буквально светясь изнутри. Он водил Цзычжоу по кругу, по-хозяйски здороваясь с важными гостями и как бы невзначай хвастаясь новым подопечным, хотя на людях старался сохранять величественный и строгий вид.

— О, а вот и господин Чжу! Добро пожаловать! И Лянцай здесь? Вот и славно. Пусть Цзычжоу на четыре-пять лет младше тебя, но в нем есть искра таланта. Общайтесь больше, глядишь, и добьетесь прогресса вместе.

Чжо Сяньчжи весь вечер улыбался, но Е Цзюньшу не покидало чувство, будто его учитель — как еж, выставивший иголки против классовых врагов. Стоит признать, мастерство Нань-амэ сделало свое дело: одежда идеально сидела на Е Цзюньшу. Благородство, которого в нем было лишь на малую долю, костюм приумножил втрое. Стоя там, он выглядел как утонченный юноша из знатной семьи; в нем невозможно было признать выходца из деревни.

Многие, кто пришел посмеяться над «деревенщиной», были раздосадованы. Они ожидали увидеть зажатого мальчишку с провинциальными манерами, но перед ними стоял человек, который выглядел более «господином», чем иные потомственные дворяне.

Чжу Чжэнъи впервые видел Е Цзюньшу вживую. Только сейчас он понял, как глубоко заблуждался насчет «сельского лапотника». По стати, внешности и ауре этот парень обходил его собственного ученика на много миль. Чжу Чжэнъи не знал, злиться ему или досадовать; чувства его были крайне противоречивы. Два молодых человека стояли друг напротив друга, и разница была разительной: черты лица Чжу Лянцай были менее четкими, спина — не такой

прямой, а манеры отдавали провинциальной скудостью. На их фоне казалось, что именно Лянцай — бедный замухрышка из глухомани.

Чжо Сяньчжи заулыбался еще шире. Е Цзюньшу отвесил легкий поклон:

— Господин Чжу, наслышан о вашей славе. Студент благодарит вас за бескорыстную рекомендацию. В прошлый раз я заходил к вам в поместье, чтобы выразить признательность лично, но вы были крайне заняты, и нам не довелось встретиться. Сегодня же, пользуясь случаем, благодарю вас здесь.

Чжо Сяньчжи добавил, кивнув:

— Я тоже благодарю господина Чжу за зоркий глаз. Благодаря вам Цзычжоу приехал учиться в Юнчжоу, иначе как бы я обрел такого чудесного ученика? Ха-ха...

У Чжу Чжэнъи дернулся уголок рта:

— Племянник так стремится к знаниям, что я не мог позволить жемчужине пылиться в грязи. То, что он приглянулся господину Чжо — его удача.

Е Цзюньшу вежливо молчал. Он украдкой взглянул на Чжу Лянцай. Значит, это и есть тот самый «самородок», которого когда-то ценил его старый учитель? Тот самый Сюцай, которого переманил Чжу Чжэнъи? На вид — ничего особенного. Цзычжоу заметил в его глазах плохо скрываемую зависть и подумал, что Лянцай не дотягивает даже до самого посредственного ученика в его классе.

Встретившись с ним взглядом, Е Цзюньшу открыто улыбнулся и сложил руки в приветствии:

— Приветствую старшего брата Чжу.

Чжу Лянцай ответил на приветствие, пытаясь изобразить благородство и непринужденность:

— Учитель часто упоминал тебя в последнее время. Сегодня я вижу, что слухи о твоих талантах не врут. Учитель даже сокрушался, что господин Чжо опередил его, иначе ты стал бы моим младшим соучеником. — Лянцай состроил сожалеющую мину и в шутку добавил: — Если брат Е пожелает, мы всё еще можем стать братьями по школе!

Сказать такое при всех было верхом глупости. Не только Чжо Сяньчжи нахмурился, но и Чжу Чжэнъи изменился в лице: кого он сейчас пытался принизить?

Е Цзюньшу спокойно улыбнулся:

— Брат Чжу изволит шутить.

Чжо Сяньчжи внутренне усмехнулся, а внешне лишь хохотнул:

— Сегодня много дел, не смею более задерживать. Прошу простить, если прием покажется недостаточно радушным. — Он подозвал слугу, велел ему прислуживать гостям. — Располагайтесь. После чего увел Е Цзюньшу во внутренние покои.

Настало время обряда. Зал был украшен необычайно торжественно: длинная дорожка из красного шелка вела к почетному месту, где восседал Чжо Сяньчжи. Со стороны это напоминало дефиле. Когда церемониймейстер выкрикнул: «Благодатный час настал!», шум мгновенно стих. Атмосфера стала священной. У Е Цзюньшу от волнения вспотели ладони. Он

даже поймал себя на неуместной мысли, что когда-нибудь на обряде заключения брачного союза (цзеци) он будет чувствовать то же самое. Считаю, потренировался.

Внешне он оставался невозмутимым и величественным. Шаг за шагом он выполнял ритуал, двигаясь уверенно и естественно, чем вызывал одобрительные кивки гостей. Ученик господина Чжо действительно был хорош. Е Цзюньшу совершил обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, поднес учителю чай и выслушал наставления. Вскоре обряд был завершен. С этого момента Е Цзюньшу официально называл Чжо Сяньчжи учителем, а это значило, что отныне его судьба связана с домом Чжо.

За весь день он выслушал столько изысканных похвал, что его лицо едва не онемело от улыбок. К тому же ему пришлось «блеснуть чешуей» — поучаствовать в паре дружеских поэтических состязаний с сыновьями и учениками других гостей.

Е Цзюньшу твердо помнил наставление, данное учителем накануне вечером: «Никакой ложной скромности. Показывай всё, на что способен, ты должен заставить учителя сиять от гордости. Мой ученик, Чжо Сяньчжи, не имеет права прятаться в тени».

И вот Е Цзюньшу наконец познал то ни с чем не сравнимое удовольствие — ставить оппонентов на место. Теперь он понимал, почему Маолинь так любит язвительные споры: это чувство было просто потрясающим! Конечно, Е Цзюньшу выражался не так резко, как Маолинь, после чьих слов так и подмывало накинуть обидчику мешок на голову, но суть оставалась той же, разве что облекалась в более изящную форму.

Кстати, о Маолине. Е Цзюньшу почти весь день не видел своих сокурсников. Когда он специально отправился на поиски, то обнаружил компанию в живописной беседке: они любовались цветами, неспешно слагали стихи и наслаждались жизнью, совершенно не заботясь о том, в каком «огне» горит их товарищ. Никто из них и не подумал прийти на помощь и отвлечь на себя часть внимания. Полнейшее отсутствие сокурснической любви!

Е Цзюньшу: «...» Он был глубоко убежден, что они сделали это намеренно!

Всех, кто вызывал его на состязание, Е Цзюньшу буквально «раскатывал» своим интеллектом. Впрочем, сегодня он был главным героем, так что блистать ему полагалось по статусу. После этого дня в Юнчжоу за ним официально закрепилась репутация одного из самых перспективных молодых людей.

Правда, был и побочный эффект: в списках завидных женихов, которые ведут местные свахи (сигуны), прибавилась еще одна строчка. Можно не сомневаться, что в ближайшее время дом семьи Е станет объектом пристального внимания этих почтенных мужей.

Большую часть времени Е Цзюньшу даже не нужно было ничего говорить: его открытый, благородный взгляд и мужественные черты лица заставляли окружающих смотреть на него с уважением. Но если попадался кто-то наглый, Цзычжоу не церемонился и «отбрывал» так, чтобы все поняли: он не мягкая хурма, которую можно безнаказанно мять руками.

В этот день Е Цзюньшу завалили подарками так, что руки устали их принимать: дорогие кисти, тушь, бумага, редкие свитки и картины — ими можно было обставить целую комнату. Когда гости разошлись, семья Е не уехала — радушные хозяева уговорили их остаться на ночь.

Только тогда у Е Цзюньшу нашлось время проверить, как там дети. И увиденное его поразило: дети вели себя живо и весело, но при этом не забывали о приличиях, чем совершенно очаровали взрослых. Особенно отличились близнецы — они так задобрили старого амо

семейства Чжо, что он прижимал их к себе и называл не иначе как «сердечками моими». Казалось, он готов оставить их у себя насовсем.

Е Цзюньшу: «...»

— Цзычжоу, ступай за мной, — сказал Чжо Сяньчжи, заложив руки за спину, и зашагал прочь.

Решив, что учитель хочет дать важные наставления, Е Цзюньшу последовал за ним. Войдя в одну из комнат, Чжо Сяньчжи закрыл дверь и... запер её на засов.

Е Цзюньшу: «????»

Затем Чжо Сяньчжи выудил из какого-то потайного угла несколько кувшинов, горлышки которых были запечатаны красной тканью.

— Иди помоги! — скомандовал он.

Е Цзюньшу принялся помогать, и вскоре из разных углов комнаты они извлекли десятка полтора одинаковых кувшинов и расставили их на полу. Убедившись, что тайник пуст, Чжо Сяньчжи потер руки, хмыкнул, засучил рукава, лихо подоткнул полы длинного халата и по-свойски уселся прямо на пол.

Он схватил кувшин, сорвал печать, с упоением вдохнул аромат и, не дожидаясь приглашения, сделал несколько жадных глотков. Вытерев рот рукой, он хлопнул по полу рядом с собой и весело подмигнул ученику:

— Сегодня такой день! Давай отметим, выпьем за твой успех. Садись, не стесняйся!

Маска утонченного и благородного мужа мгновенно рассыпалась. Вместо великого наставника перед Е Цзюньшу сидел какой-то безудержный вольный гуляка. Перемена была настолько разительной, что Цзычжоу на мгновение впал в ступор.

Чжо Сяньчжи отхлебнул еще и выдохнул:

— Как же я задолбался! Наконец-то можно выдохнуть. Держать лицо — это, я тебе скажу, потруднее, чем книги писать.

Он залпом осушил кувшин, открыл следующий и расхохотался:

— Видел бы ты рожу этого старика Чжу Чжэнъи! Чисто запор! Как же мне было хорошо на него смотреть! Будет знать, как воровать у меня учеников!

— Хм, хотя... хорошо, что он его украл! Если бы этот Чжу Лянцай стал моим учеником и превратился в то, что я видел сегодня, я бы с горя помер! Этот дурак Чжу принял рыбью чешую за жемчуг, ха-ха-ха!

Е Цзюньшу уже слышал об их старой вражде. Говорили, что несколько лет назад Чжу Лянцай либо умело притворялся, либо действительно был талантливым и усердным ребенком. Чжо Сяньчжи тогда проникся к нему симпатией и по совету старшего брата хотел взять в ученики. Однако Лянцай, на словах согласившись, на следующий же день официально стал учеником Чжу Чжэнъи. Позже выяснилось, что они дальние родственники.

Тогда Чжо Сяньчжи чуть не лопнул от злости. К счастью, он не успел объявить об этом во всеуслышание, иначе над ним смеялся бы весь Юнчжоу. С тех пор он не выносил этих двоих —

не то чтобы ненавидел, но при встрече всегда старался уколоть побольнее, чтобы на душе стало спокойнее. Конечно, насколько сильно он злился тогда, настолько же был счастлив сегодня. Он понял, что тогда просто ошибся: Лянцай, казавшийся «необработанной яшмой», на проверку оказался простым булыжником. В нем не осталось и следа прежних качеств — он пропитался мещанской заносчивостью и суетой. Чжу Чжэнъи просто сгубил человека... Или, быть может, они изначально были одного поля ягодами.

Чжо Сяньчжи причмокнул губами и вдруг что-то вспомнил. Он полез за пазуху:

— Ах да! Твой старший соученик сейчас служит чиновником в другой провинции и не смог приехать. Он прислал подарок с курьером, сейчас найду...

Чжо Сяньчжи обхлопал себя с ног до головы, но ничего не нашел. Он задумчиво нахмурился:

— Хм... Наверное, я его случайно куда-то заложил. Не переживай, найдем! А пока — пей! Сегодня не уйдем, пока не свалимся. До дна!

Е Цзюньшу не находил слов. Он обреченно опустил на пол, взял кувшин, открыл его и сделал несколько больших глотков. На его лице крупными буквами было написано: «Жизнь — боль».

В голову закралась крамольная мысль: «Кажется, я попал на пиратский корабль... Можно ли оформить возврат? Почему мой учитель кажется таким ненадежным?»

<http://bllate.org/book/15226/1411556>